

Николай Жмурин

Ледяной Вавилон

Николай Жмурин

Ледяной Вавилон

<https://litres.ru/74581442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад из-за катастрофического сбоя климатического ИИ «Атлас» планету сковал абсолютный холод. Города превратились в ледяные склепы, а выжившие ушли под землю — в сырые, заброшенные коллекторы «Ржавого узла». Бывший инженер Глеб «Седой» несет на себе груз личной вины: именно он когда-то подписал роковое обновление системы. Его левая рука намертво обморожена и ничего не чувствует, а механические часы на запястье отсчитывают последние деления. Внезапно сквозь мертвый радиоэфир пробивается сигнал из заблокированного правительственного бункера. Детский голос зовет Глеба по имени. У него есть ровно 29 дней, пока в бункере не откажут генераторы тепла. Чтобы спасти дочь, Седому придется выйти на пятидесятиградусный мороз, обмануть смертоносные алгоритмы дронов-«жнецов» и бросить вызов жестокому культу Смотрителя.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Жмурин

Ледяной Вавилон

Глава 1

Тридцать делений

Часы он заводил перед сном. Всегда. Даже когда спать не собирался.

Корпус — латунь, потемневшая до цвета старой монеты. Стекло мутное, трещина от семи к трём. Глеб выкрутил головку до упора, отпустил. Пружина пошла с сухим шорохом — он слышал его даже сквозь гул вентиляции, который стоял в коллекторе ровно и низко, как храп большого зверя.

Восемь с половиной оборотов. Дальше — только ломать.

На безеле — тридцать зарубок. Он сделал их напильником, когда перестал верить, что всё наладится. Напильник лежал в жестяной коробке под матрасом. Безель стал календарём.

Глеб повернул кольцо на одну зарубку. Метка встала напротив метки.

Тридцать.

Он не записывал. Бумага в Узле дороже патронов, а патроны дороже людей. Память держала цифры крепче бетона. Цифры были его работой. Теперь стали приговором.

Коллектор дышал. За тремя бетонными переборками работал насос. Глеб собрал его сам, на коленке, скрутив из трёх сломанных, заржавевших агрегатов, которые нашёл в заброшенных тоннелях. Насос качал воду из затопленных веток, гнал в отстойник. Глеб знал его на слух: пока есть ровный гул и короткий щелчок на каждый второй такт — работает. Пропадёт щелчок — подшипник. Тогда идти, разбирать, менять.

Щелчок был. Пока.

Он сел на край топчана. Пружины под матрасом застонали. Матрас набит тряпьем, тряпье сбилось в комья, комья кололи рёбра. Он привык.

Воздух в купе тяжёлый. Мазут, гарь, сырость. Мазут пропитал стены ещё до холодов, отдавал запах медленно, как остывший кирпич. Гарь шла от буржуйки — чёрный нимб

копоты вокруг трубы на потолке. Сырость стекала по стенам липкими дорожками и к утру становилась льдом. Иней на трубах лежал клочьями.

В буржуйке гудело. За чугунной дверцей тлели прессованные опилки с мазутом — «грелка». Топливо дорогое, считанное. На купе четыре семьи и он. Норма — два брикета на человека в сутки. Сегодня сожгли три. Значит, завтра два.

Глеб протянул левую руку и прижал ладонь к боковине печи.

Металл был раскалён. Он знал это — видел, как над железом дрожит воздух.

Боли не было.

Он держал ладонь. Ни жжения, ни покалывания. Только давление — рука касается чего-то твёрдого. И всё. Он смотрел на свои пальцы: гладкие, натянутые, цвета старой восковой свечи. Ногти посажены глубоко. Мёртвая кожа.

Потом он увидел дымок. Тонкий, сизый, поднимался от ладони. И запах — едкий, острый, палёная кожа. Как свиная шкура на огне.

Глеб отнял руку. На ладони расплылось бурое пятно. Кожа вздулась. Он смотрел на неё и ничего не чувствовал.

Правой рукой он потрогал ожог. Правая знала, что это больно. Правая помнила, как это — обжечься.

Он опустил руки. Отморозил левую на третью зиму, когда вытаскивал из-под завала двоих. Отец и сын. Оба уже синие. Тащил их по насту четыре километра и не заметил, как потерял перчатку. Потерял на середине и не заметил — потому что левая уже не чувствовала ни ветра, ни снега.

С тех пор левая — только для грубой работы. Стрелял с правой. Застёгивал с правой. Всё, что требовало чутья, шло через правую.

Он поднял голову. В углу, между трубой и переборкой, — пятно. Светлое, желтоватое, с неровными краями. Осталось от лампы, которая висела здесь до холодов. Лампа сгорела в первую зиму. Пятно осталось.

Десять лет. Пятно держалось десять лет.

Он помнил свет.

Двадцать первое октября. Ночь. «Восток-7». Он сидел в кресле перед восемью мониторами. Зелёные полосы телеметрии. Кружка с остывшим кофе, скол на краю. За окном минус двенадцать.

Он звонил жене. Она ответила не сразу, уставшим голосом сказала, что дочка Наташка сильно разболелась и кашляет, а ей самой всего два годика. Глеб ответил: «Дай ей тёплого молока, я приеду в восемь». Больше он её голоса не слышал.

В 03:14 «Атлас» запросил подтверждение диагностики по седьмому контуру. Диагностика шла штатно. Он не читал. Подтвердил, как подтверждал сто раз до этого. В 03:16 контур принял команду. В 03:21 небо стало белым.

Сначала свет — такой, что жалюзи опустились сами. Потом тишина. Потом тревога, и все восемь мониторов вытянули зелёные полосы в прямые линии.

К утру в Москве минус сорок один. К вечеру минус пятьдесят три.

Спутники висели на новых орбитах и работали. Все. Исправные. Они выполняли протокол, которого никто не дол-

жен был запускать.

Через три дня он пошёл за ними.

Восемь километров. Он шёл шесть часов и не прошёл половины.

Буран начался на втором километре. Снег не падал — летел горизонтально, стеной, резал лицо, забивался в шарф, в рукава. Мороз выжигал лёгкие — каждый вдох отдавал в груди болью. Пот на лице замерзал коркой.

Машины стояли поперёк дороги. Двери открыты. Внутри тела. Некоторые за рулём. Некоторые на асфальте рядом. Он не считал.

Валенки промокли. Правая рука в кармане. Левая не чувствовала.

Подъезд. Тёмная лестница. Седьмой этаж. Он поднимался пешком и на каждой площадке останавливался — не отдышаться, от страха. Если дверь заперта изнутри, они внутри. А если внутри — уже не дышат.

Дверь была заперта.

Он звонил. Стучал. Кричал в замочную скважину — глупо, бессмысленно, но кричал. Никто не открыл.

Он начал ломать.

Бил плечом. Правым. Левая не чувствовала, мог сломать и не заметить. Плечо врезалось в дерево, дверь вздрагивала, держалась. Замок хороший. Жена говорила — хороший замок, дорогой. Он тогда смеялся.

Двадцать минут. Плечо посинело. Куртка протёрлась до подкладки. Он снял её, остался в свитере. В подъезде минус тридцать. Он дышал на руки. Правая отозвалась болью. Левая — ничем.

Потом он нашёл в подвале лом. Ржавый, тяжёлый. Вставил между дверью и косяком. Нажал. Дерево затрещало. Нажал сильнее. Лом выскочил. Поднял. Вставил снова.

Тридцать минут.

Косяк разошёлся. Замок вылетел вместе с куском двери. Дверь открылась.

Квартира была пуста.

Иней на обоях. Изнутри. Тонкий, игольчатый. На кухне чайник на плите. Внутри лёд — прозрачный, до носика. Кто-то налил воду, поставил, не включил.

Детская кроватка. Одеяло отброшено. Подушка на полу — вмятина от головы. Маленькая.

На полу зайчик. Плюшевый, серый, с оторванным ухом. Он его покупал. Наташка не расставалась с ним. Зайчик лежал на боку, покрытый ледяной коркой. Глеб наклонился, взял. Корка треснула под пальцами. Плюш внутри твёрдый, как камень.

На столе записка. Бумага промёрзшая, чернила расплылись.

«Глеб, мы уехали к маме. Не ищи. Прости».

Он опустил руку. Посмотрел на кроватку. На чайник. На зайчика.

Он не заплакал. Внутри что-то щёлкнуло — как реле при перегрузке. И всё. Ток не идёт. Цепь разомкнута.

Он вышел. Закрыл за собой дверь. Спустился. Вышел на улицу.

Начиналась белая смерть.

— Седой.

Глеб не обернулся. Он смотрел на пятно.

— Седой, ты живой?

— Живой.

Шаги. Тяжёлые, с пришлёпом — по лужам. Гость стукнулся о косяк, выругался.

Кастет.

Глеб узнал его по дыханию раньше, чем по голосу. Кастет всегда дышал носом — коротко, часто, как будто всё время бежал и никак не мог добежать. Двадцать шесть лет. Ростом не вышел, зато вышел наглостью. Куртка чужая, великая, подпоясанная проволокой. Из-под шапки сальные волосы, сбитые в колтун.

От него пахло поверхностью. Льдом и чем-то острым, металлическим.

— Ты чего сидишь в темноте? У вас тут лампа есть?

— Нет.

— А. Ну да. — Он потоптался, стряхивая с ботинок воду.

— Слушай. Слушай, Седой.

Глеб повернул голову.

Кастет дышал чаще обычного. Руки держал у груди. Глаза блестели.

— Чего ты?

— Я с радиоузла. От Жука. Он с утра на приёмнике сидел, на верхнем. Том, который к поверхности выведен.

— И?

— Поймал. Не шум. Не морзянку. Голос.

Глеб встал.

Медленно. Но внутри что-то дёрнулось, как стрелка прибора, когда в цепи впервые появляется ток.

— Какой голос.

— Детский, — сказал Кастет и заморгал. — Девочка. Сигнал рваный, Жук три раза переспрашивал, там помехи, там белая смерть наверху. Но разобрал. Записал на катушку.

— Что она сказала.

Кастет посмотрел ему в лицо. Долго.

— Она звала по имени-отчеству. Глеб Андреевич. Глеб Андреевич, ты идёшь?

Тишина.

Буржуйка гудела. За переборками щёлкнул насос — раз, и ещё раз. Правильно щёлкнул.

Глеб опустил глаза на левую руку. Пальцы висели вдоль бедра — гладкие, восковые, бесполезные. На ладони расплылось бурое пятно от печки.

Он не чувствовал, как они дрожат.

Глеб стоял и смотрел на руку. Пальцы дрожали мелко, часто — как стрелка прибора, когда в сети скачет напряжение. Он не чувствовал этой дрожи. Просто видел.

— Седой? — Кастет шагнул ближе. — Ты чего?

— Ничего.

Глеб сжал левую в кулак. Разжал. Пальцы слушались. Мёртвые, но свои.

— Катушку слушал? — спросил он.

— Жук слушал. Я не. Я сразу к тебе.

— Веди.

Они вышли из купе. Коридор узкий — две руки в стороны, и уже стены. Бетон по бокам, внизу рельс, вмурованный в пол. По рельсу когда-то ходила тележка. Теперь по нему ходили люди, и от этого металл блестел, отполированный подошвами до зеркала. В зеркале отражались огни — три лампы на весь ярус, все жёлтые, как старая бумага.

Кастет шёл впереди. Спотыкался, чертыхался, но не обо-

рачивался. Глеб смотрел ему в спину. Куртка на Кастете болталась, как на вешалке — чужая, с чужого плеча, с чужого мертвеца.

Радиоузел был в бывшей диспетчерской. Пульт мёртвый, кнопки вырваны. Но стойка с приёмником — живая. Жук собрал её сам: три списанных агрегата, спаял на коленке, вывел антенну на поверхность через вентиляционный ствол. Антенна — девять метров, держалась на растяжках и на честном слове.

Жук сидел за стойкой. Старик. Настоящий — седой, сгорбленный, руки в трещинах, как старая резина. Очки с треснувшим стеклом, левая линза заклеена скотчем. Он поднял голову, посмотрел на Глеба поверх очков. Не удивился.

— Пришёл, — сказал он. Утвердил, не спросил.

— Катушку дай.

Жук не двинулся. Смотрел. В этом взгляде было что-то, чего Глеб не любил — понимание. Старик знал, кто такая Наташка. Знал, сколько лет прошло.

— Ты послушай сначала, — сказал Жук. — Потом решай.

— Я решу после.

— После — не то. После — уже поздно.

Глеб протянул правую руку. Ладонью вверх. Жук вздохнул — тяжело, с хрипом. Положил катушку. Металлический диск, обмотанный лентой. Лента рваная в двух местах, склеена скотчем.

Глеб вставил катушку в приёмник. Нашёл кнопку. Нажал.

Шипение. Белый шум, ровный, как дыхание. Потом треск. Потом голос.

Тонкий. Высокий. Разорванный помехами на куски.

— ...па... — шипение. — ...па, ты идёшь?

Пауза. Треск. Голос вернулся — тише, дальше, как будто говорившая отвернулась.

— Глеб Андреевич... я жду.

Ещё пауза. Лента шипела. Глеб слушал до конца. До щелчка. До остановки.

В комнате никто не дышал. Даже Кастет перестал шмыгать носом.

Глеб вынул катушку. Положил на стойку. Рядом — отвёртка, кусачки, моток изолянта. Он смотрел на инструменты и думал, что все правы. Жук прав. Кастет прав. Все правы, кроме него.

— Откуда сигнал, — сказал он.

— Северо-восток, — ответил Жук. — Азимут тридцать два. Мощность слабая. Источник стационарный, не «Атлас». Частота аварийная, правительственная. Это «Ковчег».

Глеб кивнул. Северо-восток. Через всю мёртвую Москву, через зону сброса, через патрули «жнецов». Сорок восемь километров по прямой. По факту — все сто.

— Сколько дней? — спросил Кастет.

Глеб посмотрел на часы. Безель. Тридцать зарубок. Одна пройдена.

— Двадцать девять, — сказал он.

Он не объяснял. Никто не спрашивал. В Узле все умели

считать.

Дочь он помнил плохо. Это было хуже всего.

Он помнил станцию, помнил смену, помнил подтверждение диагностики — это в деталях, до миллиметра, до каждого нажатия. А дочь — клочками. Запах молока от макушки. Крошечные пальцы, которые хватали его за указательный — за правой руки, потому что левой он тогда ещё чувствовал. Как она спала. Как дышала. Как первый раз сказала «па».

Последний раз он видел её в семь утра двадцать второго октября. Она спала в кроватке, свернувшись, поджав ноги. Он поправил одеяло. Она не проснулась. Он ушёл на смену.

А потом был буран. И зайчик в ледяной корке. И записка.

Десять лет. Он искал. Спускался в метро, поднимался на поверхность, спрашивал, платил, слушал. Ничего. Потом перестал искать. Начал выживать. Разница между «искать» и «выживать» — как между коротким замыканием и разомкнутой цепью. Ток идёт, а толку нет.

А теперь — голос.

Он не верил голосу. Не мог верить. Слишком много было

ложных следов. Слишком много людей говорили «видел», а потом оказывалось — соврали, продали. Но голос был. Ка-тушка была. Жук не врал. У Жука руки тряслись, когда он врал. Сейчас руки лежали на коленях и не тряслись.

Глеб встал.

— Ты куда? — Кастет подскочил.

— Собираться.

— Прямо сейчас? — Кастет забежал глазами. — Седой, ночь. Белая смерть наверху. Ты не дойдёшь даже до третьего коллектора.

— Дойду.

— Не дойдёшь! — Кастет схватил его за рукав. — Я с тобой пойду, слышишь? Я знаю тропу через коллекторы. Там, где Жук ходил. Я знаю, где «жнецы» патрулируют. Я тебе нужен.

Глеб посмотрел на его руку на своём рукаве. Кастет не убрал.

— Я тебе нужен, — повторил он. — Без меня ты умрёшь

на первом километре. С меня — доля. С капсул. Четверть.

— Десятую.

— Двадцатую.

— Десятую.

Кастет сглотнул. Кивнул.

— Ладно. Десятую.

Глеб высвободил рукав. Пошёл в купе.

Из-под топчана достал вещмешок — старый, армейский, с заплаткой на боку. В мешок пошло: запасной свитер, моток проволоки, паяльник с аккумулятором, коробка с инструментами, три брикета «грелки», фляга. Отдельно — кобура с револьвером. «Наган», старый, но исправный. Он перезарядил его перед сном. Перезарядит ещё раз перед выходом.

Последним он снял с гвоздя чертёж. Сложенный вчетверо лист ватмана, обтрёпанный по краям. Развернул на топчане, придавил углы инструментами.

Москва. Контур. Тонкие линии улиц, жирные — маги-

стралей. Красный крест — «Ковчег». Синяя точка — «Восток-7». Между ними — пустота. Серая зона, исчерканная пометками: «сброс», «патруль», «обвал», «не пройти».

Глеб провёл правой рукой по бумаге. Он помнил эти улицы живыми. Помнил, как по ним ехал. Теперь это схема. Просто схема. Он умел читать схемы.

Он сложил чертёж. Убрал в мешок.

Надел куртку — тяжёлую, на меху, с капюшоном. Натянул шапку. Перчатки: правую — обычную. Левую — двухслойную, с войлочной прокладкой. Мёртвой руке нужен только теплоизолятор, не чувствительность.

Кастет ждал у выхода.

— Пошли, — сказал Глеб.

Они поднялись по лестнице. Три пролёта, бетонные, покрытые изморосью. Дверь на поверхность — стальная, с колесом-запором. Глеб крутанул колесо правой. Механизм пошёл туго, с лязгом. Потом сдвинулся.

Дверь открылась.

Воздух ударил в лицо. Не ветер — именно воздух, плотный, как вода. Минус сорок семь. Глеб почувствовал, как слипаются ресницы. Как мгновенно высыхает под носом. Как пар от дыхания не поднимается вверх, а падает вниз — тяжелеет и оседает на грудь.

Снег был везде. Не белый — серый, грязный, с вкраплениями льда. Он лежал на руинах, на бетоне, на металле. Под ногами скрипел. Каждый шаг — скрип, как будто режешь пенопласт ножом.

Глеб завёл часы. Восемь с половиной оборотов. Пружина пошла с натягом.

Он посмотрел на Кастета. Тот стоял, втянув голову в плечи, дышал через шарф.

— Идём, — сказал Глеб.

Они пошли. Пар изо рта падал вниз и таял в снегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.